

Снегурочка (Быль)

Город называется по-старинному — Переславль-Залесский. Лежит он действительно за лесами, среди обветшалых монастырей. Их много, непомерно много для такого маленького городка, и они напоминают о его прежней славе. А ближайшая станция железной дороги, которая так и не сумела пробиться сюда, находится за двадцать километров, и у станции совсем сказочное имя — Берендеево.

Недоставало только Снегурочки. Впрочем, в Переславль-Залесский мы приехали в жаркий день начала августа, а летом, как известно, Снегурочки не водятся.

На главной улице путь нашему грузовику загородила круглобокая, весьма степенная корова. Она сонно поглядела на нас и стала тянуться к обронённой кем-то охапке срезанной травы.

Девушка в пёстром платке с маленьким обгорелым носиком ткнула корову книжкой и сердито приказала:

— Пошла домой!

Она невероятно «окала», произнося каждое «о» звучно, полновесно.

— Пошла домой! — к общему нашему удовольствию повторила она, снова бережно выпевая каждый слог. Нет, Снегурочка всё-таки была! Право же, так и только так должна была говорить девушка из старой сказки.

Душа нашей компании Володя Матвеев, студент последнего курса консерватории, тут же передразнил девушку:

— Попробуйте, пожалуйста, корову трюшки покуситься.

Девушка, лупившая корову книжкой, оказалась не такой уж робкой, как это могло показаться с первого взгляда. Поглядев на «очкастого» Володю, она громко воскликнула:

— Гляди-ка, на улице теплынь, а он рамы вставил...

Первым засмеялся Володя. В конце концов, молодой пианист был неплохим парнем или, вернее сказать, он становился хорошим человеком, как только переставал быть пианистом. В Москве же, за роялем, он изводил приятелей.

Он уж как-то очень церемонно и деловито сидел за инструментом, раскачивался, чувствительно закрывал под очками глаза, лицом и телом передавая содержание музыки. Слушать его — большое наслаждение. Но Володя каждый раз портил дело своим требовательный вопросом, который он задавал, как только стихнет аккорд:

— Что это?

Потом демонстративно громко вздохнул и объявлял:

— Четверть жизни потеряли: Рахманинова не знаете...

Сейчас, во время нашей маленькой поездки по старым городкам с их забытой славой, Володя был незаменим, потому что много знал. Он рассказывал нам о странной судьбе Переславля-Залесского, почти ровесника Москвы. Когда-то здесь вершилась история: тут княжил Александр Невский, из Горицкого монастыря отправлялся на поле Куликово Дмитрий Донской, на соколиную охоту приезжал сюда Иван Грозный, здесь построил первый ботик Пётр... А кто теперь знает об этом городке?.. И вот под этим же небом, этими же тропами ходили русские люди и восемьсот лет назад, и полтысячелетия назад...

Володя умел быстро преодолевать столетия.

— Играть, ребята, играть хочу! — неожиданно заявил он.

Но где тут найти рояль? Решено было отправиться на ту же главную улицу, где нам повстречалась корова. Там мы видели вывеску фабричного клуба. Не может же быть клуба без такого нужного этому заведению инструмента.

Так и вышло. Правда, здесь был не рояль, а пианино, но подступы к нему преградила... наша знакомая Снегурочка. Не знаю, какой она пост занимала здесь, но только настойчиво отбивалась от нас:

— Нельзя, понимаете, пианино только что настроили, — возражала она, смешно усиливая последний слог в слове «пианино».

— Пóзнакóмимся, дóрбóгая, — сказал он, тоже окая, — меня зóвут Вóлбóдя. Да, Вóлбóдя, — подчеркнул он, выговаривая по складам. — Слово даю, не испорчу.

А потом он играл, и мы тут же простили ему, что он передразнил девушку.

Володя царствовал. Он склонялся к клавишам, замирая в уходящих звуках, и вздрагивал всем телом, с силой беря аккорды.

Девушка, кажется, тоже простила его. Она оперлась подбородком на кулачок и, не двигаясь, смотрела на Володю.

В этом городке, похожем на декорацию к «Князю Игорю», музыка, казалось, звучала по-особому.

Когда Володя кончил, некоторое время стояла тишина. Он нарушил её сам, становясь тираном:

— Опять не скажете? Бетховена не знаете! Боже, три четверти жизни потеряли...

— Тридцать вторая соната, до минор, — робко вставила девушка.

Володя был восхищён:

— Вот это Снегурочка!

Теперь он играл только для неё, долго, в упоении, ещё больше склоняясь к пианино и всякий раз поднимая на неё глаза. Заканчивая, сначала спрашивал:

— А что это?

И Снегурочка отвечала:

— «Мазурка» Шопена.

Потом она называла вещи без вопросов.

— «Апрель» Чайковского, «Песня без слов» Мендельсона...

С этого момента Володя был, хотя и вместе с нами, но только со Снегурочкой. Он больше всего на свете уважал музыкантов. С другими, говорил он, ему скучно, а сейчас ему понравилось, что Снегурочка — простая работница киноплёночной фабрики. Никогда не училась музыке, только слушала — главным образом по радио да в концертах.

— У нас в Переславле бывают хорошие концерты, — простодушно заявила она.

Она вызвалась показывать Володе, а заодно и нам красоты родного города. Первым делом повела к Плещееву озеру.

— Вы не знаете, какое оно бывает красивое, когда заходит солнце.

Девушка раздобыла лодку, была деятельна, взялась за вёсла и оставалась серьёзной, стараясь услужить очаровавшему её музыканту.

Только один раз пошутила она, на наш взгляд, очень удачно.

— А мы не утонем? — спросил Володя.

— Вы разве не умеете плавать? Тогда вы потеряете четыре четверти жизни, — а потом серьёзно добавила: — Не бойтесь, здесь очень мелко.

А я тем временем думал о том, что в этом далёком городе люди живут всеми четырьмя четвертями полнокровной жизни, что исчезают глухие места, что искусство стало достоянием народа и что эта конопатенькая с облупленным носиком Снегурочка — чудесная девчонка. Жаль, что я узнал только её имя — Наташа. Фамилию спрашивать было неудобно, чтобы не испортить нашего чудесного знакомства.